

УДК 94(47).073(479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-49-63

УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ***А.В. ВЕНКОВ**

*ФГБУН Южный научный центр Российской Академии наук. (ЮНЦ РАН)
Российская Федерация, 344025. г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: andrey_venk@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена участию донских казаков в боевых действиях на Северном Кавказе в XVIII-XIX столетиях. Показано, как на основе донского казачества был сформирован основной контингент казаков на кавказской Линии. Строительство крепостей и, вместе с ним, продвижение казаков на Кавказ шло по линии Волги и Терека, от берегов Каспийского моря на северо-запад, а затем, с конца XVIII столетия, от Таманского полуострова, с запада на восток. Пока формировались новые казачьи войска непосредственно на границе, границу охраняли и вели боевые действия против восставшего населения Северного Кавказа донские казаки. Показаны особенности службы казаков на Кавказе, их роль в Кавказской войне, тяготы службы в незнакомом климате. Показаны потери казаков в ходе описываемых событий.

Ключевые слова: казаки; Кавказ; Кавказская война; граница; набег; крепость.

THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACKS IN THE CAUCASIAN WAR**A.V. VENKOV**

*FSBIS Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (SSC RAS)
Russian Federation, 344025, Rostov-on-Don, st. Chehova, 41
E-mail: andrey_venk@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to participation of the Don Cossacks in the hostilities in the North Caucasus in XVIII-XIX centuries. It is shown how the main contingent of Cossacks on the Caucasian Line was formed on the basis of the Don Cossacks. The construction of fortresses and, together with it, the advancement of the Cossacks in the Caucasus, followed the line of the Volga and the Terek, from the shores of the Caspian sea to the North-West, and then, at the end of the XVIII century, from the Taman Peninsula, from West to East. While a new Cossack troops were formed directly on the border, the Don Cossacks continued to guard the border and fight against a rebel population of the North Caucasus. The features of the Cossacks service in the Caucasus, their role in the Caucasian war, the hardships of service in an unfamiliar climate are shown. The losses of the Cossack troops during these events are also described.

Key words: cossacks; the Caucasus; the Caucasian war; the border; the foray; the fortress.

* Статья написана при поддержке Гранта РНФ № 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Историография Кавказской войны прошла сложный путь становления, однако на всем его протяжении находилась под идеологическим прессом. Оценки войны колебались от «борьбы европейского культурного начала с азиатским варварством» до побочного эффекта процесса «добровольного вхождения народов Кавказа» в состав Российской империи, и в итоге очень многие вопросы, связанные с Кавказской войной, до сих пор являются дискуссионными.

Сам характер действий вооруженных сил Российской империи на Кавказе в процессе установления здесь власти «метрополии» является одной из важнейших проблем истории присоединения Кавказа к России. Однако еще в начале века было отмечено, что слабо исследована военная субкультура, нет работ, в которых вооруженные силы изучались бы с позиций исторической антропологии [16]. В то же время существуют и обилие письменных источников, и «обычные» мемуары участников событий, в которых видны и личностное отношение к событиям и масса деталей, бесценных для специалистов истории повседневности.

Со своей стороны, процессы возрождения казачества на Юге России, тоже достаточно политизированные, возродили интерес к роли казаков в Кавказской войне. И этот интерес может быть удовлетворен в том числе и за счет огромного пласта документов, хранящихся в местных архивах (ГАРО, например).

Донские казаки принимали участие в военных действиях на Кавказе задолго до общепринятого времени начала Кавказской войны (1817 г.). Сначала это были обычные набеги. Не зря одна из глав в многотомном исследовании В.А. Потто «Кавказская война» называлась «Донские гулебщики» [21, с. 114-124].

К концу XVII века на Юге России сложилась система пограничных укреплений, в которую донские казаки пока не вписывались. С одной стороны, они действительно прикрывали часть границы – вели патрулирование около турецкого Азова и пытались перекрыть на Среднем и Верхнем Дону пресловутую «Ногайскую дорогу». Но с другой стороны, они занимались морским разбоем в Азовском, Черном и Каспийском морях, из-за чего постоянно обострялись русско-турецкие и русско-иранские отношения.

Петр I после взятия Азова (1696 г.) стал жестко пресекать морской разбой донских казаков и пытался создать на Азовском берегу новую систему укреплений. Однако он проиграл войну с турками в 1711 году, и продолжил постепенное продвижение пограничных укреплений вниз по Волге к югу от старой пограничной черты, но все еще севернее и восточнее территории донских казаков.

Новые укрепления, заселявшиеся донцами, казалось, стремились сомкнуться с укреплениями гребенских казаков, находившихся в низовьях Терека.

В 1716 году была построена Новохоперская крепость «для удержания набегов татар» [14, с. 39]. «В 1717 году при построении Новохоперской

крепости переведены были туда на жительство несколько сотен донских казаков, которые первоначально составляли гарнизон крепости» [14, с. 36].

Новохоперская крепость находилась гораздо севернее места основных жилищ донских казаков, но именно из этого укрепления начали донские казаки новый «бросок» на юг. В 1718-1720 гг. по повелению Петра I создается Царицынская сторожевая линия между Доном и Волгой. Линию предполагалось заселить донскими казаками.

Методичное продвижение на юг по степи вдоль Волги в 1722 году сменилось открытой попыткой завоевания Кавказа. Это стало одной из задач Персидского похода Петра Великого в 1722-1723 гг.

Донское войско выставило в этот поход 2 тысячи казаков, которые участвовали во взятии крепости Тарки в устье Терека. Донской походный атаман Краснощек с 1 000 казаков и 4 тысячами калмыков первым напал на наместника Дербента, разорил и пожег селения горцев, после чего Дербент сдался без сопротивления.

К этому же времени, к 1722 году, чеченские исследователи относят «вторую карательную экспедицию донских казаков против чеченцев на Сунжу и Аргун по указу Петра I». Первую такую карательную экспедицию они датируют 1718 годом [27].

Донские казаки участвовали во взятии Баку в 1723 г., а в октябре 1725 г. в новом походе генерала Кропотова против шамхала Тарковского Адиль-Гирея, который закончился повторным взятием и разорением Тарков и ссылкой Адиль-Гирея в Архангельскую губернию.

Тогда же, в 1722 году, многие терские казаки переселились на реку Сулак и образовали там Аграханское войско (по реке Аграхань). В 1724 году сюда по жребию «без всякого отрицательства и роптания отправили» 1000 семей с Дона [24, с. 155]. Так началось подкрепление терских казаков донскими.

Это было естественно, сравнивая численность казаков на Дону и на Тереке. В конце царствования Петра I иррегулярное войско России состояло из 10 малороссийских полков, в которых насчитывалось 60 тысяч человек; 5 слободских казацких полков – 16 тысяч человек; донские казаки получали жалование на 14266 человек, яицкие – на 3195 человек, терские – на 1800, гребенские – на 500, чугуевские – на 214 [26, с. 461].

В 1732 году последовал новый шаг методичного продвижения на юг вниз по Волге – набранные по жребию донские казаки образовали Волгское казачье войско, которое контролировало течение Волги между Царицыном и Астраханью, чтобы пресечь самовольный переход через Волгу кочевых народов.

Одновременно шло продвижение казаков вверх по Тереку. В 1736 в районе Кизлярской крепости создали два войска: Терско-Кизлярское из терских казаков и Терско-Семейное – из переселившихся донцов (аграханцев). Укрепления по Тереку в 1739 году образовали Кизлярскую укрепленную линию. В 1746 году два войска под Кизляром объединились и создали Гребенское казачье войско (в 1755 они опять разделились).

После того как в XVII и XVIII вв. казаки и русские войска несколько раз

брали Азов, а сами казаки были полностью подчинены России (после поражения Булавинского восстания), граница продвинулась южнее. К середине XVIII века система русских укреплений начала строиться в низовьях Дона, прямо на землях донских казаков. Крепость Св. Дмитрия Ростовского (Ростов-на-Дону), крепость Св. Анны были возведены, «зажав» меж собой столицу донских казаков Черкасск. Здесь донские казаки держали границу по Манычу (от ногайцев и черкесов) и по Миусским лесам (от крымских татар). Пограничные разъезды ходили по левому берегу Дона под Черкасском.

Степь между Доном, Манычем, Кубанью и Терекком считалась ничейной территорией. Оттуда продолжались набеги крымских татар и ногайцев на донские станицы. Так, в 1734 крымские татары, азовские турки и кубанские татары совершили разорительные набеги на земли донских казаков, на Бахмут и на земли Полтавского полка. Донцы отвечали «всеобщими походами», то есть ответными набегами. Эти набеги были главной составляющей казаче-горского и казаче-татарского конфликта в XVIII – начале XIX столетия.

Число казаков, несущих службу на Дону в первой половине XVIII века, оставалось неизменным. В 1718 году их было 15713 [23, с. 12], а в 1756-м – 15734 [25, с. 38]. С такими силами можно было удерживать лишь небольшую территорию. Тем не менее, ежегодно с Дона на службу в другие места империи отправляли 3400 казаков, которые, отслужив 3-4 года, возвращались домой и ждали следующей очереди, и каждые два года сменная команда в тысячу донских казаков (2 полка) отправлялась стоять гарнизоном в Кизляре. Границу по Тереку от Кизляра до Каспийского моря удерживали гребенские казаки. На удерживаемой казаками территории постоянно шли столкновения с татарами. Так, в 1733 году «при походе с Дона на Сулак Ивана Фролова с донской командой, крымцы... оную донскую команду окружили и взяли в плен атамана Фролова. А команду несколько дней при Куме держали в осаде и могли бы ее взять, но кабардинцы, получив о том известие, всеми силами выходили к тем казакам на помощь и их оборонили, а потом и атамана Фролова из плону выручили» [11, с. 148].

У донских казаков к тому времени сложилась особая тактика охраны границы – они пропускали врага на русскую территорию, а на обратной дороге нападали на обремененного полонем и добычей противника. Часть (а зачастую и большая часть) отбитой добычи, таким образом, естественно, оставалась у казаков. Попытки действовать таким же образом на «ничейной» территории давали сбои. Так, в 1733 году на реке Куме полторы тысячи донских казаков под командованием атамана Краснощекова столкнулись с татарами, возвращавшимися с награбленным добром из Дагестана. Но на беду донцов и Краснощекова с татарами были казаки-некрасовцы и 10 тысяч калмыков хана Дондук-Омбо. Краснощеков был окружен. Однако кабардинский князь Магомед (Бомат) Кургокин, тесть хана Дондук-Омбо, подошел со своим войском и уговорил своего зятя уйти вместе с татарами и некрасовцами [11, с. 148].

Прикубанье и предгорья Кавказа неизменно становились театром военных действий во всех русско-турецких войнах. Между войнами и во время

военных действий здесь шло строительство укреплений. В 1763-1769 гг. путем продвижения казаков и регулярных войск вверх по Тереку была создана Моздокская укрепленная линия.

В 1770 году на Кавказ прибыли 100 семей с Дона из Луковской станицы. Среди них были артиллеристы, и они стали создавать на Тереке войсковую артиллерию. Тогда же, в 1770 году, 517 семейств из состава Волжского войска (бывшие донские казаки) были переселены к Моздоку и помещены в пяти станицах по левому берегу Терека, между Моздоком и гребенским войском. Они образовали Моздокский полк, во главе которого был поставлен вместо войскового атамана полковой командир. В 1777 году в состав полка были включены 200 семей калмыков, принявших православие (они вскоре вернулись в буддизм).

С началом новой русско-турецкой войны, ситуация на Дону, невзирая на победы, осложнилась.

В 1770 году из Бессарабии на Кубань пришла присягнувшая России на верность ногайская орда. Ногайцы некоторое время контролировали степь между Доном, Манычем и Кубанью, поскольку калмыцкий хан, ранее здесь кочевавший, вскоре, во время Пугачевского восстания, изменил России и ушел за Волгу. Попытки ногайцев отложиться от России в 1774 году пресеклись у Калалаха, на стыке современных Ставропольского края и Ростовской области. Преследуя разбитых ногайцев, казаки доходили до Кубани.

В 1777 начато сооружение Азово-Моздокской линии, задачей которой было перегордить степь и окончательно пресечь набеги со стороны Кавказа и Кубани. Пограничные гарнизоны старых крепостей, расположенных севернее территории донских казаков, переводились на юг. «В 1777 г. из них (казаков Новохоперской крепости. – А.В.) составлен пятисотенный полк и переселен в Кавказскую область на Кубань, в том же году в состав полка поступили военнопленные персияне и несколько семейств мирных горцев» [14, с. 36].

Хоперские казаки были переведены на Азово-Моздокскую линию в 1778-1781 гг. Они были поселены в уездном городе Ставрополе, составили там Хоперский казачий полк. Казаки стояли в крепостях Донской (866 верст от Астрахани, 300 верст от Черкаска и 90 верст от Кубани), Московской и Северной «для содержания кордонного караула на Кавказской линии в предосторожность нечаянных набегов от живущих за оную линиею тамошних горских народов» [14, с. 33].

Генерал И.Л. Дебу, служивший на Кубани, писал, что в Хоперский полк «вошли вольные люди из донских казаков» [14, с. 35].

Население Кавказа сопротивлялось строительству укреплений. В 1782-1783 годы на Кавказской линии шли постоянные бои с «закубанцами» и чеченцами.

Каждый год с Дона на Кавказ посылали по 3-4 полка, которым предстояло отслужить там 2-3 года. Так, в 1782 году на два года на Кавказ были командированы полки Дмитрия Иловайского, Василия Орлова и Матвея Платова [1, с. 78] (два последних впоследствии – донские атаманы), «и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны и Гехи» [21, с. 128].

В 1786 году на Кавказ переводятся донские казаки из Волгского войска, ранее включенного в Астраханское. Сделано это было в контексте общей реформы. В 1786 году Гребенское, Терское-Семейное, Волгское и Терское казачьи войска и Моздокский казачий полк вместе с Хоперским казачьим полком получили общее название поселенных Кавказской линии казаков

Меняя названия, все эти казаки, переселенные на Терек, сохранили свои донские традиции. По свидетельству очевидцев, хоперские, моздокские и волгские казаки «одежду имеют как у донцов и вооружены штуцерами, саблями и дротиками. Они разводят лошадей преимущественно калмыцкой, а овец – малороссийской породы, занимаются охотой, сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес...» [14, с. 34].

Обустройство на новом месте требовало времени, но восточная часть границы к этому времени была достаточно плотно прикрыта донцами, которые опирались на две крепости – Кизляр и Моздок.

В 1783 году была уничтожена ногайская орда. Казаки запрещали им подходить на 20 верст к Манычу, кочевать разрешали лишь по Егорлыку и Кагальнику, не ближе. После нескольких стычек в голодную зиму, решено было переселить ногайцев на Урал. Во время переселения на речке Ее ногайцы взбунтовались, повернули и стали прорываться на Кубань. Конвойные войска зажали их на переправе. Ногайские кибитки завязли, и степняки, порезав в отчаянии скот, порубив жен и детей, ушли налегке, верхом, укрылись за Кубанью [1, с. 82-83]. Вследствие этих событий донских казаков поднимали в «поголовный поход» против ногайцев, и 13 донских полков во главе с А.В. Суворовым между Лабой и Кубанью, у Керменчика, разгромили ногайскую орду [21, с. 112-113]. 4 тысячи ногайцев были проданы в рабство в Черкасске, столице донских казаков. Это последний зафиксированный случай работорговли на Дону [1, с. 83].

Считается, что с этого момента Дон перестал быть пограничной линией и «задремал, как старец, утомленный многолетними боевыми трудами» [21, с. 124].

В 1788 под руководством Суворова начала строиться Кубанская линия от Тамани до Ставрополя – 540 верст. Но начавшаяся война с турками (1787-1791) передвинула границу еще южнее. После 1791 года она стала проходить по Кубани

С перенесением границ России к предгорьям Кавказа русские вошли в соприкосновение с многочисленными народами, живущими в горах и на предгорьях, отличающимися друг от друга языком, культурой, верой, уровнем социального развития. С одними (кабардинцами) русские имели давние дружеские дипломатические и культурные связи, другие сразу же стали беспокоить новых соседей набегами. Одним из промыслов народов, находящихся на стадии родового строя, являлось наездничество, т.е. те самые «походы за зипунами», присущие казакам в XVI-XVII веках, и горская молодежь постоянно совершала набеги на соседние территории с целью грабежа.

Все это вынуждало русские власти строить систему связанных между собой укреплений от Каспийского до Азовского и Черного морей. Горцы не мирились со строительством крепостей на спорных территориях. Постоянно вспыхивали конфликты русских войск с целыми народами. В результате русские (особенно казаки) ходили в ответные набеги и еще тщательнее укрепляли границу. С целью закрепления территории правительство организует на линии казачьих поселения.

Генерал Р.А. Фадеев считал: «На Кавказе было бы невозможно управиться с горцами без заселения казаками передовых линий» [14, с. 37].

Генерал Гудович, командовавший на Кавказе, после заключения мира решил закрепить новую территорию и построить между Усть-Лабой и Белой Мечетью 12 новых станиц: 4 станицы заселить казаками Волгского полка, 3 – Хоперского, остальные 5 – донцами. Но время поджимало, волжские и хоперские казаки уже начали заселение в других местах, и Гудович решил обойтись одними донцами.

В феврале 1792 года вышел указ о поселении на Кубанской линии донских казаков в количестве 3000 семей из 6 донских полков. 3 донских полка к тому времени уже отслужили, но их не отпускали домой, хотели, чтобы они «выписали» свои семьи к себе на границу.

Донское войско к этому моменту за 40 лет (с 1756 года) выросло в 4 раза. Видимо, было налажено «естественное воспроизводство». На Дону в массовом порядке появились семьи. Всего на начало XIX века казачьего населения на Дону числилось 320 тысяч [3, с. 23]. В условиях натурального экстенсивного хозяйства уже чувствовалось перенаселение.

Однако попытки массового переселения донских казаков на отвоеванные земли после Ясского мирного договора провалились. Три полка взбунтовались и самовольно ушли с Линии, а потом было восстание нескольких станиц против переселения. Донцы взбунтовались, потому что переселяться их заставляли не по жребью, а всех скопом. Вспыхнул так называемый «Есауловский бунт» [21, с. 193-194].

После подавления «Есауловского бунта», переселение началось в 1794 году. Удалось отправить с Дона на Кавказ 1000 семейств (4700 душ обоего пола) вместо предполагаемых 3 тысяч казачьих семейств. Переселившиеся донцы образовали станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Темнолесскую, Воровсколесскую. Сами они были названы Кубанским казачьим полком и охраняли Линию от Усть-Лабинской до Урупа.

Вопрос прочного прикрытия границы решался переселением в 1792 году на Кубань черноморских казаков с территории Южной Украины.

Когда после войны с турками «черноморцев» стали переселять на Тамань и правый берег Кубани, их насчитывалось 7239 человек [18, с. 92], они создали 38 станиц по наименованиям 38 старых запорожских куреней (хотя реально сохранились 3 куреня). Но в реальности на постах созданной Черноморской линии от Тамани до Усть-Лабинской крепости в 1793 году границу охраняли 796, а в 1798 г. – 845 конных казаков [18, с. 85].

Большую часть (порой 90%) кордонных конных казаков составляли наемные казаки, служившие за своих хозяев [18, с. 85]. «Основную массу конницы Черноморского войска в первые десятилетия его существования составляли наемники, служившие за казаков-хозяев (наёмники – преимущественно престарелые, малолетние или «хворые» люди). Приток в войско различных беглых элементов, переселение в Черноморию огромного количества малороссийских казаков (фактически крестьян) определили наличие в войске большого количества малоподготовленных в военном отношении людей» [18, с. 113].

Переселившимся на Кубань черноморцам понадобилось очень много времени для акклиматизации. Не прекращавшиеся на границе стычки вызывали неизбежное сравнение черноморцев и других казаков, поселившихся на Линии, и это сравнение всегда было в пользу линейцев. «А.П. Ермолов, оставивший просто уничижительную характеристику Черноморского войска, писал, что линейцы «всегда отличались от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротой коней»» [18, с. 112]. Но Кавказское линейное войско окончательно было образовано лишь в 1832 году из 5 полков терских казаков (Кизлярского, Терско-семейного, Гребенского, Моздокского и Горского), размещавшихся от устья р. Терек до Моздока, и 5 казачьих полков Азовско-Моздокской линии (Волгского, Кавказского, Ставропольского, Хопёрского и Кубанского).

Пока же к началу XIX в. линейцы не отличались особой многочисленностью. Тогда на Кавказе, помимо «черноморцев», компактно проживало несколько групп казачьего населения: Терско-Кизлярское войско, Терско-Семейное войско, Гребенское войско, Моздокский казачий полк, Моздокская горская казачья команда, Волгский, Хоперский и Кубанский казачьи полки. Войска эти выставляли на службу одних только казаков: Терско-Кизлярское – 108, Терско-Семейное – 400, Гребенское – 466, Моздокский полк – 1000, Моздокская горская казачья команда – 50, Волжский полк – 510, Хоперский – 519, Кубанский – 501 [17].

Чтобы усилить Кубанскую линию между Усть-Лабинской и Кавказской крепостями, сюда в 1803 году переселили оставшихся казаков упраздненного Екатеринославского казачьего войска. Войско создавалось М.И. Платовым, который в качестве костяка взял с собой 500 донских казаков. Личный состав для войска дали однодворцы, передвинутые на юг с Белгородской черты. Остатки войска состояли из 3277 казаков, из них был создан Кавказский казачий полк.

Удержать силами казаков-переселенцев территорию от Устья Терека до Устья Кубани было невозможно, и на Линии стояли русские регулярные войска – 8 полков: Казанский, Суздальский и Вологодский мушкетерские, 16-й егерский, Нижегородский, Борисоглебский, Владимирский и Таганрогский драгунские [21, с. 590].

Кроме того на Линии продолжали постоянно нести дежурство несколько донских казачьих полков. Количество служивых донских казаков в это время (февраль 1807 года) составляло 50110 человек, причем в полках и командах

находилось 39532 человека [6, л. 1], и служба на Кавказе оставалась их уделом. Так, в 1808 году на Кавказской линии стояли следующие полки. Полк подполковника Балабина держал посты по реке Терек. На Линии находился Донской казачий войскового старшины Г.А. Грекова 16-го полк (1 января 1808 года был переименован в Донской казачий подполковника И.С. Поздеева 5-го полк). Здесь же был Донской казачий подполковника Ф.И. Араканцева 1-го полк. Весь 1808 год полк нес кордонную службу по границе с Кабардой, причем 29 октября участвовал в отражении горцев, пытавшихся прорвать Кавказскую линию. Там же, на р. Малке, участвовал в многочисленных боях и стычках с кабардинцами полк войскового старшины Д.И. Каршина 4-го.

Кабардинцы в тот год вели себя весьма воинственно, с ними дрались полки Аханова и Быхалова. Полк Аханова на Баталпашинской переправе летом 19 июня 1808 года отразил 300 кабардинских наездников [13, с. 85].

На Кубани нес службу полк Грекова 20-го. И здесь же полк Персиянова 1-го неоднократно отражал попытки закубанских горцев прорваться на российскую территорию.

За плечами у них казачий полк войскового старшины Л.М. Петрова 1-го содержал карантинную цепь от г. Александрова до г. Ставрополя, по границе с кочевьями ногайцев. Штаб полка стоял в с. Круглолесском.

Чтобы удержать связь по Военно-Грузинской дороге, из Грузии во Владикавказ вывели полк подполковника Петра Пантелеевича Апостолова 1-го. С 14 августа 1808 г. штаб-квартира полка располагалась в крепости Владикавказе, а сотни содержали посты по Военно-Грузинской дороге к стороне Грузии и сопровождали почту от Моздока до Владикавказа.

В г. Гори держался полк войскового старшины Е.М. Ежова 1-го, а его сотни содержали посты по Моздокской дороге. В Грузии при дежурстве генерала Паулуччи находились казаки полка Миллера 2-го [15, с. 87].

В Эриванскую экспедицию в 1808 году ходил казачий полк войскового старшины И.М. Агеева 2-го; участвовали в боевых действиях против персов полк подполковника Нечаева 1-го и полк войскового старшины Богачева 1-го.

Таким образом, на Линии и в Закавказье стояли и дожидались смены 15 донских казачьих полков. Численно они не уступали казакам, поселившимся на Кавказе и на Кубани.

В ответ на набеги горцев русское командование продолжало военные действия и делало это зачастую руками казаков. Так, экспедиция в Чечню в январе 1807 года была в послужных списках казаков отмечена, как нахождение «в заграничном походе за Терекком при наказании чеченцев и карабулаков» [12, с. 98].

С 1812 по 1815 год длился своеобразный период в службе донцов на Кавказе. Новые донские полки в этот период на Кавказ не посылались, сражались в Европе. На Линии оставались сверх всякого срока полки, которые не были выведены с Кавказа в 1812 году. Они все равно оставались стеновым хребтом сложившейся системы обороны. А.П. Ермолов, прибыв на Кавказ, отметил в дневнике: «Нахожу выставленные для меня конвои линейных казаков, составленные по большей части из малолетних, к службе неспособных,

ибо предшественник мой отпустил шесть донских полков, служивших на линии, и их заменили старыми и малыми... Первое сделанное мною распоряжение состояло в том, чтобы остановить шесть донских полков, отправляемых на Дон, и приказать им вступить на посты, которые занимали они прежде» [20, с. 194].

Однако за это время, видимо, и выковалась знаменитая боеспособность линейцев, которые находились на Линии безотлучно. Именно с приездом Ермолова на Кавказ разница в уровне боеспособности донцов и линейцев стала заметна.

Боеспособность донских казаков, прибывавших на Кавказ на 3-4 года, была ниже боеспособности линейных казаков, которые постоянно жили в условиях пограничья. Когда донской полк № 20 (впоследствии знаменитый «Баклановский полк») во главе с полковником Баклановым атакой в лоб в конном строю опрокинул равную по силам чеченскую конницу, линейцы всего лишь сказали: «Полк может равняться с линейскими» [2, с. 208].

Лишь один донской полк за время Кавказской войны получил Георгиевское знамя за конкретное сражение – полк № 38 за бой у Гилли 3 июня 1844 года в отряде генерала Пассека [4, с. 73]. В то же время все линейные казачьи полки имели Георгиевские знамена. За конкретное сражение – 1 ноября 1848 под ст. Сенгильевской – Георгиевское знамя имел Кубанский полк, потомки переселенных после «Есауловского бунта» донцов. Хоперский и Кавказский полки имели Георгиевские знамена за участие в делах «бывших против горцев». Кизлярско-Гребенской, Горско-Моздокский и Сунженско-Владикавказский полки имели знамена «За военные подвиги против непокорных горцев», словно вся их жизнь на Кавказе была сплошным подвигом. Уманский, Лабинский и Линейный полки имели знамена «за покорение Западного Кавказа», а Волгский полк – «За покорение Восточного и Западного Кавказа» [4, с. 83-121].

После войн с Ираном и Турцией в 1827-1829 гг. донских казаков больше стали посылать в Закавказье, охранять новую границу с Турцией и Ираном. Так в 1833 году к северу от Кавказского хребта стояло 4 полка донских казаков, за хребтом – 9 [2, с. 53]. Помимо этого донские полки охраняли территорию современных Грузии и Азербайджана от набегов тех же горцев.

Перенесение военных действий на территорию горских селений изменило характер войны. Она приняла характер партизанских действий и контрпартизанских операций (зачастую проводившихся при помощи тех же набегов). Л.Н. Толстой, успевший послужить на Кавказе, до выхода повести «Хаджи-Мурат» описал боевую жизнь русских войск в двух рассказах с говорящими названиями «Рубка леса» и «Набег». Леса вырубались, чтобы можно было достать противника в любой точке Кавказа, а по просекам не особо многочисленные на Кавказе русские войска ходили в ответные набеги, проводили своего рода «операции возмездия», сжигали аулы, вытаптывали посеы и отгоняли скот.

Причем жгли хлеб не только казаки. Так, хорунжий Талалаев 29-го донского полка докладывал 2 июля 1853 года, что выезжал с казаками «к месту

полевых работ Александровской и Николаевской станиц, где вскоре присоединился из Николаевской станицы с командой казаков хорунжий Дурняпин, на месте этом встречено было огромное скопище горцев, из коих пехота зажигала копны нажитого поселянами хлеба, а конница прикрывала их» [10, л. 28].

Регулярным войскам, солдатам и офицерам, успевшим поучаствовать в наполеоновских войнах на территории Европы, такая война должна была казаться сплошным воинским преступлением. Когда во время Даргинской экспедиции в селении Дарги русские нашли яму, в которой содержались русские пленные, у солдат, по воспоминаниям очевидцев, «явилось какое-то озлобление к неприятелю» [5, с. 312]. И тут незаменимы были казачьи части, сформировавшиеся в условиях разбоев и жестокой азиатской войны, у которых важнейшим стимулом службы была добыча.

Участие донских казаков в войне проявилось в охране «мирных» поселений от «немирных» («Баклановский полк», например, все время службы охранял селения кумыков от чеченских набегов), прикрытии массовой вырубке лесов, участии в экспедициях и набеге, зачастую это делалось с целью подрыва экономики «немирных селений». Как говорил донской генерал Я.П. Бакланов: «Оттягать чужое – видно, вложено Богом в нашу казацкую душу, и уж тут никак не утерпишь!..» [2, с. 156].

С прибытием на Кавказ в качестве наместника графа Воронцова количество донских полков здесь увеличилось. В 1846 на Кавказе и в Закавказье находилось 19 донских полков [2, с. 175]. Для сравнения – такое же количество донских полков несло службу в целом в России перед 1-й Мировой войной.

Служба казаков на Кавказе зачастую протекала в условиях лихоимства, поборов с казаков. Известно громкое дело, когда в 1840 году под суд отдали сразу троих полковых командиров (Каргина, Фомина и Пантелеева) и донского походного атамана на Кавказе (Леонова).

Сама служба на Кавказе довольно часто рассматривалась как наказание, куда слали офицеров «запойных, дабы могли они воздержать и исправить себя от порочной жизни» [1, с. 322]. Делалось это М.И. Платовым, который перед кампанией 1812 г. из прибывающих в полки офицеров «скандальных и неумных» сразу же отправлял на Кавказ [1, с. 323], и было подтверждено в 1820-м, когда «нерадивых, дурных и порочных» донских офицеров отправили из полков, стоявших в Польше, на Дон, а оттуда, «дабы оные офицеры на Дону празднично не жили», – в Грузию и на Кавказскую линию [22, с. 314]. Впрочем, в отношении рядовых казаков данное наказание не просматривается. Так, в 1841 году в Польшу был направлен полк Родионова № 36, имевший в своем составе 24 штрафованных [2, с. 111]. В 1846 году на Кавказ был послан полк под тем же номером, но уже с другим личным составом, а вместе с ним полки №№ 25, 34, 38. В их рядах штрафованных было соответственно – 19, 17, 19, 21 [2, с. 273]. Хотя, полк генерала Бакланова № 17, посланный на Кавказ в 1850 году, имел в своих рядах 51 штрафованного [2, с. 273]. Дело в том, что офицеры в полки

отбирались Войсковой канцелярией (затем Войсковым штабом), а казаков в полки направляли станичные общества при строгой очередности.

Многие донские полки, прибыв на Кавказ, «раздергивались», что подрывало их боеспособность. Казаки использовались в различных командировках, на отдаленных постах, на дежурствах в штабах.

Так, в 1846 году донской полк № 19 стоял во Владикавказе и имел на лицо – 441 казака, в командировках – 365. Полк № 31 стоял в Грузии. По списку в нем числилось 602 казака, на лицо – 205, в командировках – 381 [7].

Отличительной чертой службы казаков на Кавказе была высокая смертность. Так донские полки полковников Быхалова 1-го и Аханова 1-го за время службы дважды на год попадали в карантинные лагеря. После возвращения 30 марта 1807 года из чеченского похода среди вернувшихся казаков вспыхнула чума и полки Быхалова и Аханова до весны 1808 года находились в карантинах [13, с. 85]. Вторая вспышка чумы последовала весной 1809 года, когда полки Аханова и Быхалова готовились к отправке домой, на Дон. Из-за карантина полки вернулись на Дон 1 мая 1810 [13, с. 98]. Прибыв на Кавказ, А.П. Ермолов констатировал: «Получил курьера об открывшейся чуме на Кавказской линии и что проходившие пять донских полков заразились» [20, с. 195].

Но даже и без зафиксированных эпидемий смертность оставалась крайне высокой. Полк № 26 стоял в укреплении Воздвиженском в 1843 – 1847 гг. Убыль за это время – 96 казаков, из них убито – 16. В полку 17 георгиевских кавалеров [8, л. 30-31]. То есть, полк участвовал в боевых действиях активно, но потери нес не в сражениях.

Динамику потерь можно проследить на примере известного уже нам полка № 20. Самые большие потери умершими приходились на 1-й год службы, в период акклиматизации, а по времени года – на зиму и раннюю весну. Так, в 1-й год службы с января по май 1847 года в полку умерло 47 казаков «от обыкновенных болезней» и 2 «скоропостижно».

В 1848 потери в полку – 1 убитый, 4 умерли от ран, от болезней – 8 человек.

В 1849 – убитых – 0, от ран умерли – 2, от болезней – 3, скоропостижно – 1, «насильственно» – 2.

И в последний год службы в полку № 20 умерло от болезней 10 казаков. И в других полках количество умерших в последний год службы обычно возрастает [9].

Эффективность боевых действий донского полка № 20, стоявшего на стыке территорий современных Чечни и Дагестана, была достаточно высока.

Своеобразный пример: командир полка для удобства ведения боевых действий в местных условиях передел всех казаков полка в трофейную одежду и перевооружил трофейным оружием. И сам ездил в желтой трофейной черкеске. В полку было более 800 казаков. Следовательно, одежду и оружие сняли с такого же количества убитых.

В целом этот полк отличается от других и соотношением потерь боевых и небоевых. Всего за время службы на Кавказе полк № 20 потерял: убитыми – 1

офицера и 35 казаков, умерли от ран – 23 казака, 3 казака сбежали к горцам, но вернулись, 2 из них были отправлены в арестантские роты, 1 расстрелян по суду, умерли от болезней 3 офицера и 79 казаков [9].

В то же время полк № 43, вернувшийся из Бессарабии и участвовавший в Венгерской кампании, потерял 5 убитых казаков, умерших от ран – 3, бежало из полка – 4, умерло от болезней – 2 офицера и 99 казаков. А в полку № 37, вернувшемся тогда же из Грузии, умерли 4 офицера и 136 казаков (из них 2 от ран), 3 офицера и 29 казаков остались в госпиталях [2, с. 284].

Участие в Кавказской войне и в предшествующих ей военных действиях на Кавказе стало важным этапом в военной истории донского казачества. Подсчитано, что за годы Кавказской (1817-1864) войны в ней приняли участие 118 донских казачьих полков или около 100 тысяч донских казаков, а если взять военные действия до этого периода, то в сумме в войне на Кавказе участвовало 226 тысяч донских казаков [4, с. 29].

В целом за годы Кавказской войны казаки понесли потери, которые можно соотнести с потерями войны 1812 года и походов 1813-1814 годов. По версии А.Н. Пивоварова, погибло в боях 1763 человека, умерло от болезней более 16 тысяч [19, с. 59]. Фактически соотношение погибших и умерших 1 – 9.

Видя такие потери, Александр Второй перестал посылать донские полки на службу на Кавказ и в Закавказье. И последние вспышки военных действий – подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году – проходили уже без них.

Таким образом, донские казаки внесли заметный вклад в создание знаменитой «Линии», они дали людские ресурсы для заселения и закрепления за Россией пограничной кавказской территории и сами несли на ней пограничную службу, пока все остальные переселенцы адаптировались к новым условиям жизни. Когда началась непосредственно Кавказская война (1817-1864), казаки (и не только донские) обеспечили сочетание преимуществ регулярной армии с тактикой партизанских действий, необходимой в местных условиях, чем способствовали завершению затянувшейся на Кавказе войны. В XVI-XVII веках казаки жили в условиях набеговой системы, в XVIII – начале XIX столетия продолжалась своего рода инерционная фаза набеговой системы, и казаки были заинтересованы в «замирении» горцев и степняков, в прекращении набегов с их стороны. Но уже в XIX веке донские казаки, как военное сообщество, не были заинтересованы в войне на Кавказе, они честно выполняли свой воинский долг – не более того. В народном сознании служба на Кавказе отложилась как тяжелая, безрадостная, полная опасностей. Определенной компенсацией было возвеличивание подвигов одного из командиров донских полков, действительно талантливого военачальника – генерала Г.Я. Бакланова. Его имя, наряду с именами Ермака Тимофеевича, А.В.Суворова, М.И. Кутузова, М.И. Платова, было в 1904 году присвоено одному из донских полков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. – М.: Вече, 2014. – 480 с.

2. Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М.: Вече, 2016. – 432 с.
3. Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. – М.: Вече, 2013. – 308 с.
4. Галушко Ю. Казачьи войска России. – М.: Русский мир, 1993. – 231 с.
5. Гейман В.А. 1845 год. Воспоминания // Кавказский сборник. – Т. 3. – 1879. – С. 251-375.
6. Государственное казенное учреждение Ростовской области Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 168.
7. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 497.
8. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 525.
9. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 638.
10. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 711.
11. Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). – Нальчик.: Изд. Отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 356 с.
12. Захаревич А.В. Донской казачий полк Аханова 1-го в боях с горцами на Северном Кавказе в 1804-1810 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6-7 мая 2016 г.). – Ростов-на-Дону.: Альтаир, 2016. – С. 96-99.
13. Захаревич А.В. Подполковник Акиндин Иванович Аханов – герой третьего плана боев с горцами на Северном Кавказе в 1804-1810 гг. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 624 с.
14. Колесников В.А. Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // Кубанский сборник. – 2006. – № 1(22). – С. 32-57.
15. Корягин С.В., Королев В.Н. Шуруповы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 15. – М.: Тип. МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. – 120 с.
16. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. – 82 с.
17. Линейные казаки // История кубанского казачества: сайт. URL: <http://kuban-cossacks.ru/boevaya-slava-kubanskogo-kazachego-vojska/linejnye-kazaki> (дата обращения: 27.10.2017).
18. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 2012. – 456 с.
19. Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII-XX вв.). Заметки на полях истории. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 272 с.
20. Погодин П.М. Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа. – М.: Центрполиграф, 2017. – 527 с.
21. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – 672 с.
22. Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. Персидская война. 1826-1828. – Ставрополь: «Кавказский край», 1993. – 608 с.
23. Присяги донских казаков, 1718: материалы по истории и генеалогии казачества. – Волгоград: Панорама, 2012. – 224 с.
24. Ригельман А.И. История о донских казаках. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. – 224 с.

25. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг. – М.: Военное издательство Министерства Вооруженных сил Союза ССР, 1948. – 516 с.
26. *Соловьев С.Н.* Сочинения. Кн. IX. – М.: Голос – Колокол, 1998. – 708 с.
27. Хронология истории ЧР // Атагинский форум на сайте «Старые Атаги». URL: <http://st-atagi.ru/forum/27-139-1> (дата обращения: 21.10.2017).